

Василий Кейметинов — Баргачан

В ЦЕПИ ВРЕМЕНИ

Якутск
Национальное книжное издательство «Бичик»
1994

84Я
К33

SBN 5-7696—0473-5

© Кейметинов Василий Спиридонович, 1994

* * *

Солнце, кое-где оставив тени,
На вершинах выткало узор,
И туманы — белые олени,
Тихо разбрелись по склонам гор.
Радужные блики заиграли
В капельках росинок и дождя,
И душа забыла про печали,
Солнечную радость обрета.
Вся земля вздохнула облегченно,
Реки пробудились ото сна,
Тихо шепчет лес замороженно,
Радуюсь, что вновь пришла весна.

* * *

Светлей других горит твое окно,
Светлей все то, что связано с тобою,
Твоим окном хочу я быть, оно
Тебя все время видит пред собою.

Порою солнцем хочется мне быть,
Касаться нежно губ твоих лучами,
Как печь твоя хочу тепло струить
И согревать морозными ночами.

Твоим мечом порой хочу я стать,
И отводить все беды и тревоги,
Хочу одной дорогою шагать,
И пусть конца не будет у дороги.

* * *

Когда незамутненной радостью,
Над тундрой брызнет первый дождь,

Пахучий воздух в небо влажное,
За счастьем призрачным летит.
Кусты, топорща ветки черные,
Хватают язычками клейкими,
Дождинок нити разноцветные
И зеленеют на глазах.
Лес, высветляясь вешним отсветом,
Качает кронами омытыми,
Под разгорающейся радугой,
В зенит поднявшегося дня.
И сердце вновь, как в давней юности,
Стучит, наполненное радостью,
Стучит,
И стук его сливается,
С морзянкой первого дождя.

Я В ЧОРЕ РОДИЛСЯ

Я в чоре родился.
И рос я,
Еще не изведав печали,—
Мерцала мне
Звездная россыпь,
Мне солнце сверкало
Лучами.
Склонившись
К моей колыбели,
Мать пела тихонько —
И сонно
Ей вторили синие ели,
Зеленые вторили
Сосны.
И тени,
Запрятавшись в угол,
Дрожали
От блесков света,
И тешились
Звонкие вьюги
Веселою пляскою
Сэде.
И ночь отступала,
Бледнея,
В какой-то неясной тревоге.
И снилось мне,
Будто к луне я

По Млечной шагаю
Дороге.
Ах, детство,
Куда ты умчалось,
Ну, что бы остаться нам
Вместе?
Как часто потом вспоминалась
Мне матери
Тихая песня.
Как снилось
И снится упрямо —
Иду я Дорогою Млечной,
Вот чор уже виден —
И мама
Ко мне выбегает
Навстречу!

ЖУРАВЛИ

Сходит сумрак, туман расстилая;
Никого — только видно вдали:
В синем небе
За стаею стая
Улетают от нас журавли.
Улетают, построившись клином.
Слышишь?
Снова как будто возник
Над холодной осенней равниной
Их протяжный и жалобный крик.
Отчего ж ты вздыхаешь тревожно?
Не печалься о них,
Погоди!
Ведь, от нас улета
Быть может,
Наше лето догонят они.

* * *

Слепнет сердце от горьких потерь —
Бьется птица в оконную раму...
Никогда не откроется дверь —
Никогда не увижу я маму.
Петлей жесткой задавленный зверь
Тщетно воет, в снегу замерзая...
Никогда не откроется дверь —

Никогда не увижу отца я.
Умерла моя мама давно.
И отец мой в могиле глубокой...
Распахну по весне я окно —
И увижу их в тундре широкой.
Маму я позову — не придет...
Я отца закричу — не услышит...
Это ими земля моя дышит —
И растет,
И цветет,
И поет!

СЭДЕ

Не могу я скрыть сомнения —
Неужели старики
Здесь танцуют?
Их движения,
Как у юношей
легки,
Так легки,
как будто это
Вьются птицы в синеве,
Будто это
от рассвета
Блики света
на траве,
Будто первые снежинки
Заскользили поутру,
Будто легкие пушинки
Закружились на ветру!
А веселый запевала
Собирает весь народ
Поглядеть
на небывалый,
На чудесный хоровод.
Пусть давно
танцоры седые —
Что минувшие года!
Кто танцует
танец сэде —
Не стареет
никогда!

ИЗ НЕДР ДУШИ

Разбуженный солнцем,
блеснул ручеек.

По камушкам
с горки
скатился:

цок-цок...

Ложбинку заполнил.

Со льдом расквитался.

Раздался в плечах он

И

рас-

хо-

хо-

тал-

ся.

Ворвался в расщелину,

сор перетер

и вырвался горной рекой
на простор.

Мой голос,

теряющий краски в тиши,

На волю

из недр души

поспеши,

рванись ручейком,

позабыв про покой,

пой людям,

разлившись могучей рекой.

* * *

Уплыли молодости годы,
как в половодье битый лед.
Боль и сегодня не проходит,
в душе грустинкою живет.

Когда припомнишь прожитое,
вздохнешь без прежнего тепла,
и сердце остро вдруг занает,
ведь жизнь, по сути, протекла.

Я словно лодка у причала,
с прогнившим днищем под водой,

о, как меня судьба качала,
и был я счастлив той судьбой.

И на путях больших и узких
не избегал я трудных битв,
а нынче сердца перегрузки
иной диктуют жизни ритм.

И пусть ушла с годами сила,
а встречь течению не плыть,
но разве то, что в жизни было,
смогу я просто позабыть?!

РЕБЕНОК ПОШЕЛ

Его шаги еще неверны,
Но любознателен и смел,
На радость бабушке и маме,
Пошел смеющийся пострел.

Ему в глазенки солнце светит,
И ноги путает трава,
Но сквозь почти что птичий лепет,
Вот-вот прорежутся слова.

Пыхтит мальчонка от усилья,
Жизнь познавать — нелегкий труд,
Ручонки вскинуты, как крылья,
Что в жизнь его сейчас несут.

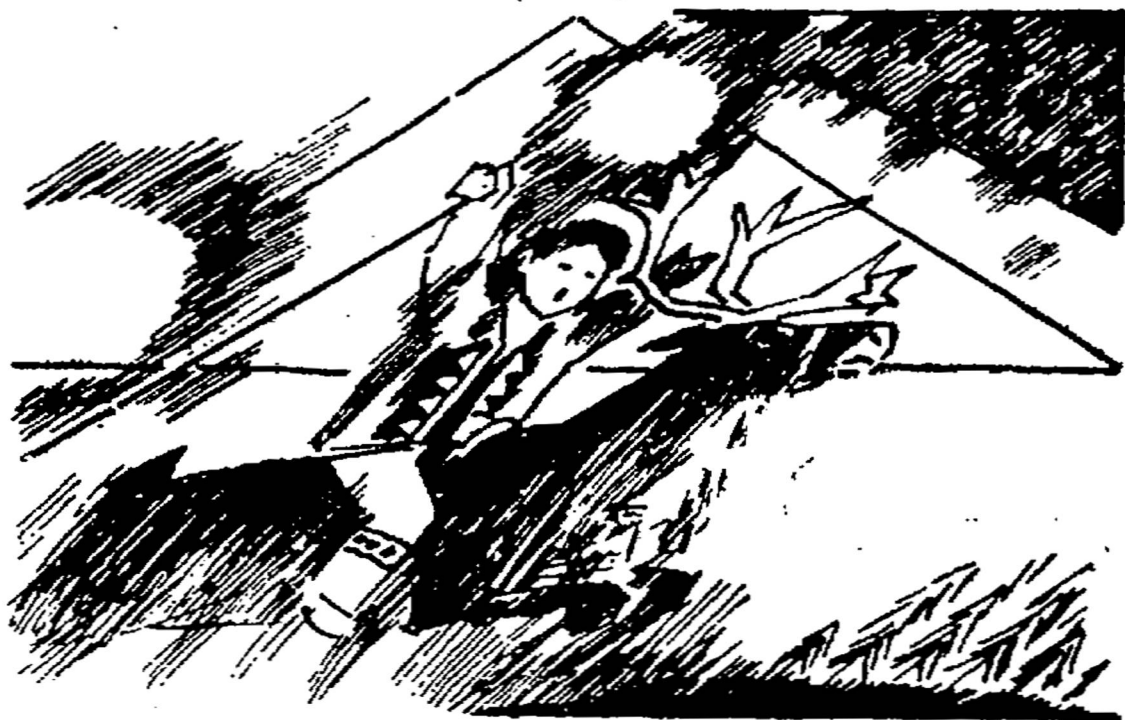
ЕДУ НА ОХОТУ

Помчались быстрые олени,
Поют полозья над тайгой,
В буране, как в белой пене,
Лечу, как ветер голубой.

Через леса и через поле,
Густыми звездами пыля,
Зовет меня тайги раздолье
Туда, где кружат соболя.

Кто рано встал, тот видел много,
Не зря в народе говорят,
Я раньше птиц рассвет потрогал,
Вернусь с добычей назад.

Лечу на светлых крыльях счастья
Над самым краешком зари,
Туда, где разогнав ненастье,
Пылают в ветках снегири.

В ЛУННУЮ НОЧЬ

Даль морозная искрится,
отражая лунный свет,
нарта — огненная птица
оставляет звонкий след.

Словно песня удалая,
я пронесся по тайге,
вьюга пляшет и пылает,
снег иссиня-голубой.

В этом пламени олени
пролетают через гать,
их ветра не одолели,
их метелям не сломать.

Освещая путь мой долгий,
светлой радости полна,
вдоль пылающей дороги,
плавно катится луна.

Плач над тайгою раскатился,
Но было радостно кругом:
С того утра, как ты родился,
Вселилось счастье в тихий дом.

Себя почувствовал я взрослым:
На мир по-новому гляжу.
С тобою, что судьбою послан,
Я в жизнь уверенней вхожу.

Пусть позовет меня дорога —
Я испытаний не страшусь:
Я у родимого порога
Все время в мыслях нахожусь.

А жизнь, сынок, течет так трудно:
В ней нет накатанных дорог.
Ты к испытаниям подспудным
Готовься с детства, мой сынок!

Отдай борьбе по убежденью
Ты весь запас душевных сил.
Не зря тайгу в свой день рожденья
Ты громким криком огласил!

НА ЗАМЕТЕННЫХ СТРОКАХ ЛЕТ

Снег вспыхнул синими огнями.
Слезами застит белый свет.
Страницы белой книги
днями листаю,
вчитываясь в след.
Что белка пишет мне?
Что соболю
цепочкой букв недосказал?
Что легкодумно
в склон сугроба
вписал зайчишка-зубоскал?
Что сам впишу я
в книгу жизни
на заметенных строках лет?
и кто
в немерянной отчизне
прочтет мой след...

В дни осени поздней
Леса
открыты
всем ветрам
и взглядам.
И грустно мне,
что чудеса
не в глубине лесов,
а рядом.
И в тишине едва слышны
шум крон
и шелест листьев блеклых.
Их отпечаткам
до весны
печально стыть
на мерзлых стеклах.
Сгустится белый воздух и
укроет землю
первым снегом.
И первопуток
пастухи
на звонких нартах
(эх, лихи!)
смеющимся
прочертят
следом.

ВОСТОРГ ЯЗЫЧЕСКОЙ ОХОТЫ

Здесь,
где ручей
бежит в камнях,
урча,
в горах,
где лось
сбивает в кровь
копыта,
ружье
(об этом говорю открыто)
но для забавы
я срывал с плеча.
Таежный отчий край
не оскудел.

Час рассветный,
час святой,
до сердечной боли краткий.
Даль глотнешь и
чистотой
перехватит горло сладко.

СЕРДЦЕ

Будь выносливым мое сердце тревожное,
Перед каждой бедой не стучи невпопад,
Я по жизни иду за мечтой бесконечной,
И дерусь за нее до конца, как солдат.

Мир глядит на меня просветленно и мудро,
И потому нет мне дороги назад.
Жизнь летит предо мной, как безбрежная тундра,
О которой пролетные гуси кричат.

Сколько дней и ночей машут крыльями птицы,
Чтоб родные гнездовья свои отыскать,
Только в сердце моем лишь тайга и вместится,
К ней любовь с колыбели привила мне мать.

ГДЕ ВЫПАСАЕТСЯ ЗАРЯ

Я с детства
мысленно
стремлюсь к высоким скалам,
где ранним утром
выпасается заря,
и, просыпаясь,
солнце светом алым
вершины красит,
и они горят...
И блики пляшут.
и дробятся в росах
на гранях скал
и на вершинных мхах:
И полосы тумана,
словно косы,
струясь в ущелье,
тают на глазах.
И взгляд скользит
от снежников

к подножью,

задерживаясь на цветных камнях,
и оторваться, кажется, не может
от зарожденья

северного

дня.

ЗА СТРАНИЦЕЮ СТРАНИЦА

Дней минувших вереница —
горько-сладкое житье,
за страницей страница
в сердце врезались мое.

Дней минувших вереница —
боль с печалью пополам,
никогда не отоснится,
лег на сердце вечный шрам.

Дней минувших вереница —
озарения в любви,
нашим встречам не избыться,
отзвук радости в крови.

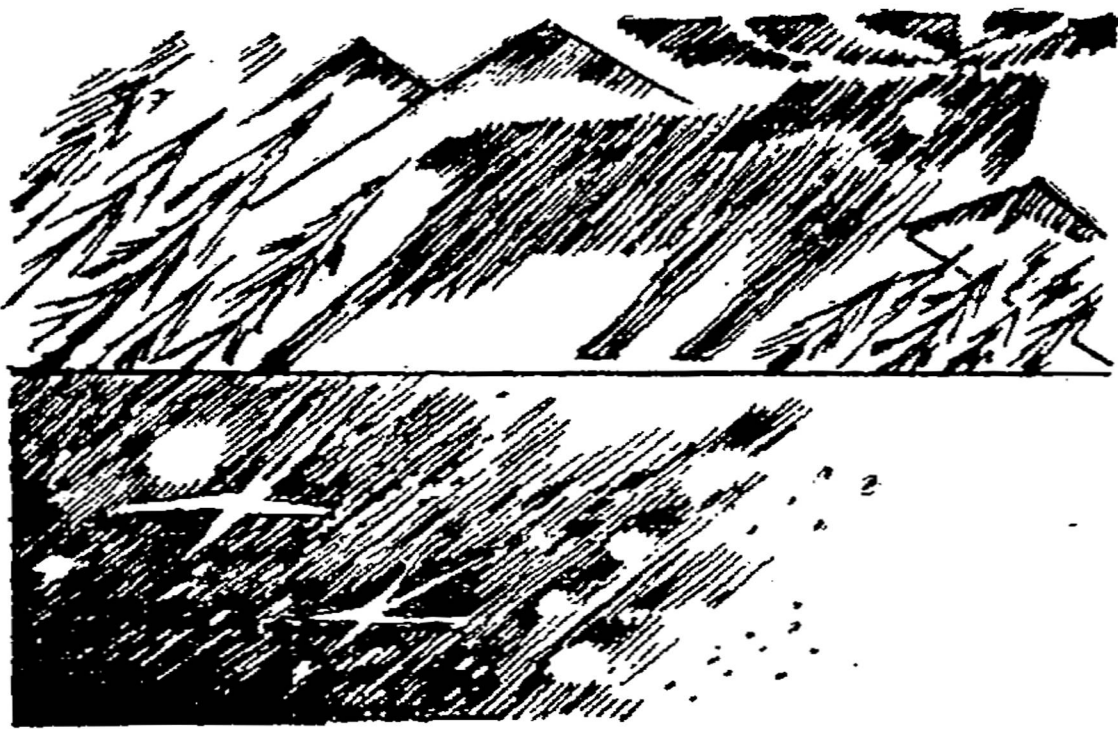
Дней минувших вереница —
становление в борьбе,
мне ли с кривдою мириться,
если правды свет в судьбе.

Дней грядущих вереница —
трудный, но счастливый путь,
о, если жизнь моя продлится,
буду истово трудиться,
для меня остановиться —
то же, что с пути свернуть.

* * *

Люблю бродить я на опушке летом,
Особенно в рассветные часы,
Когда, проснувшись, солнце первым светом
Окрасит ветки, полные росы.

Как девушка, которая смеется,
Лес в эту пору смотрит веселей.
Смеются листья, хвоя. Отдается
Веселье леса и в душе моей.

Все больше звонких песен надо мною.
Росинки смех. Цветенья аромат.
Не умолкая, лес шумит листвою,
Хвоинки мне о чем-то говорят.

Я по траве нетронутой шагаю,
От охватившей радости смеюсь,
Ликует все, я песню запеваю
И чувствую — сам песней становлюсь.

* * *

Словно лебедей взметнулась стая
Над туманным озером в полет —
В плавном танце землю покрывая,
Снег пушистый медленно идет.

Луг и небо красит белым цветом,
Одевает в кружева леса,
И черней, чем ночь, на фоне этом
Темной водной глади полоса.

Лед затянет реки и озера,
Им потом привидится во сне
Небо, что откроется не скоро —
Синее и с солнцем в вышине!

Я во многих уже
Городах побывал,
Но всегда возвращаюсь
К родимому дому,
В тихий край, где родился,
Где счастье узнал.
Не затмить этот край
Никакому другому.
Я люблю города,
Что садами цветут,
Только все же на родину
Тянет вернуться.
«Он по дому тоскует,
Аж слезы текут,
Как по маме...» —
Порой
Надо мною смеются.
Вот и птицы вернулись
К гнезду своему.
Каждый год прилетают
На место гнездовий,
Словно что-то не нравится
В теплом Крыму,
Словно в Африке нет
Подходящих условий...
Наших северных руд
Не иссякнет запас,—
В этом крае суровом
Веками копились.
Серебро есть и золото
Есть и алмаз,
Все дороги сегодня
Сюда устремились.
С разных мест молодежь
Приезжает сюда,
Чтоб на благо страны
Хорошо потрудиться.
Молодые построят
Себе города,
Им захочется здесь
Навсегда поселиться.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Поэма

Осенним вечером,
точнее поздним днем,
когда подернулся золой костер заката,
мы (дед и я),
читая

свежий

след,

пересекли долинку
и с зарей вступили в лес.
Он медленно стихал.
Прохладный воздух,
притопив кусты,

полз по стволам

и следом: тишина

гасила звуки...

Я шагал легко,
вдыхая аромат подмерзших трав,
распознавая шорох,

шелест,

щелк

зверей и птиц...

Но что это (!) —

мой дед
настороженно замер,
как олень,

почувявший беду...

Развёл кусты
и подозвав кивком меня,
шепнул:
— Наверно спит...

А лес уже затих,
но как-то разом,
ветви опустив,
пригнув стволы,
припав травой к земле...

И я увидел:
за сухим ручьем,
подмяв ивняк,
рогами ткнувшись в мох,
разлегся лось...
— Не спит,— заметил дед,— он мертв,
а как красив...

Мы подошли...
Лоснящаяся шерсть
казалась теплой
и лиловый глаз
еще был влажным,
но из раны кровь
уже не вытекала,
смерзлась...

— Хо,— воскликнул дед,
присел
и вдруг заплакал...

— Дед, ты что?!
Он плакал.

— Дед?

И тут я разглядел...
Кто?

Кто это сделал?!

Как решился?!

Дед

ладонью гладил
лося.

— Не сердись,
не люди это...

Лось не отвечал,
рогами ткнувшись в мох.

К его ногам
листва лепилась
чтоб хоть чуть прикрыть

нагие мышцы,
жилы...
Браконьер
взял только камус...
Ноги ободрав,
он лося бросил...
Сердце сжала боль.
И злость,
крутая злость
стянула губы...
Я
дал слово
не забыть
и не прощать!

4

— О, нелюди в облиции людском!
Дед сам с собой, казалось, говорил.
Он лося закидал сухим листом.
И рядом
опустившись,
закурил.
Я тоже сел.
Над нами мерк закат.
Вплотную подступала к лесу мгла.
Но дед не отрывал от лося взгляд.
Я ждал.
Ждал лес.
И тишина ждала.

5

...В те давние годы,
когда наши предки и ружей не знали,
а тундра и лес
были полны непуганой жизни,
два парня бесстрашных
Чокó и Горгó,
возгордившись,
решили, что равных им нет...
Дед посасывал трубку,
вздыхал,
забывался,
незряче на лося смотрел,

вспоминая былое...
Чоко и Горго,
возгордившись,
всех в страхе держали:
с любых расстояний
валили стрелою бегущих,
с любой высоты
доставали из лука — летящих,
сетями — плывущих,
а петлями — в норах сидящих.
Легенды слагали о них,
неудачи не знавших,
за честь почитали
к огню пригласить быstroногих,
а то — породниться,
дочь выдав за острого глазом,
за смелого сердцем,
за ловкого телом звена...
Но слушай, что было...
Дед выбил,

                                прочистил трубчонку,

за пазуху сунул,
прокашлялся,
тихо продолжил...

Чоко и Горго,
год от года пощады не зная,
стреляли,

                                ловили,

  хватали —

чем больше, тем лучше...
— Куда столько рыбы вам,
мяса,

                                шкурья,

  пуха,

  меха?!

Смеясь, отвечали:

— С запасом-то жить беззаботней...

— Но вы сверх запасов!..

— Не суйтесь, — они багровели, —
не наше берем,

у природы на всех зверя хватит...

И снова стреляли,

                                ловили,

  хватали,

лишая
        живое
                единственной жизни,
нужды в том не видя...
Чернели их души от жадности,
злости,
        бахвальства...
Но стрелы летели все так же,
разя и увеча...
Собак завели.
С земляками ничем не делились.
Себе!
        Все себе!
Словно чувствуя,
близится время
расплаты
за каждую жизнь
от мышонка до лося...
Ну вот...
Дед вздохнул,
трубку вытащил,
не набивая,
понюхал зачем-то,
в рот сунул,
но видно мешала,
за пазуху спрятал,
над лосем склонился:
— Прости нас...
И глухо легенду ли —
быль о минувшем
продолжил...

6

А я молчал и думал,
как же так:
дед говорит о прошлом,
но я вижу,
как браконьеры,
распалив собак,
по следу устремляются на лыжах;
как лось хрипит,
дробя копытом лед,
запаренный выносится на бровку,
роняет пену...

И Чоко стрелу приладил.
— Толстый!..
И Горго копьё подбросил.

8

Полетел олень быстрее ветра.
Понеслись за ним стрелки-звены.
Лес не лес.

Река им не преграда.
Горы брали в ярости с разбега.
День сменился ночью.
Ночь — рассветом.
Но летел олень,
едва касаясь
          снега,
                  ивняка,
                          камней замшелых...

И за ним,
          шаг в шаг,
                          лет в лет
звены,
          без воды,
                          без пищи...

Полдень.
Вечер.
Ночь.
          Рассвет.
День.
          Ночь.
                  И снова утро.

— Где ваш дом?..
Все ниже,
          мельче горы.
— Где ваш дом?..
Деревья маломерки.
А кусты травы не выше.
Тундра...

9

Хлюп.
          Хлюп.
                  Хлюп.
Кочкарник,
          мох,
                  болото,

озеро...
Чоко зверино вскрикнул
и метнул аркан.
Петля стянула
гордые рога.

Олень напрягся —
зазвенел аркан струной,
но тут же
обхватил другой тугую шею —
пресеклось дыханье...

(Пожалейте?!)

Где там!
И не вспомнили,
что предки
запрещали бить оленей белых,
диких и домашних,
чтобы беды не навлечь...
Бока вздымались.

Ноздри

кровью пузырились.

И по шерсти,

белой шерсти

скатывались слезы...

10

Но Чоко с Горго не разрыдались.
Их зрачки,
как проруби набухли.
Губы почернели от прокусов
сцепленных зубов.
Он измотал их,

излягал,

издергал

Белый Идол!..

И Чоко спросил:

— А не содрать ли...

— Шкуру?!

— Да, живьем,

пусть поостынет!..

И с презреньем плюнул в глаз оленю.

— Ха-ха-ха,— Горго решил,— посмотрим,

как в камлейке красной

он по тундре

по-бе-жит!..

И тоже злобно плюнул.
— Мясца,— прошипел,— у нас хватает,—
натяни аркан,
и будь, что будет!..

11

День.

Вечер.

Полночь.

Новый день окрасил
восточный полог неба.
Два аркана
пригнуть к земле не могут
гордой шеи —

встал на дыбы олень,
высок и страшен...

Но изловчился посохом Чоко и...
ударил в темя.

Хррр...

Олень прогнулся.

Затрепетал.

Согнул в коленях ноги.

Упал в траву.

И тут Горго мгновенно,
пригнув рога,
влез на спину
и ножик,

смеясь,

достал...

И сняли шкуру...

Но!

Она погасла!

Мех в руках —

не больше,

обычный серый мех...

12

И взвился красный

ободранный олень.

К земле припали
слинявшие Чоко с Горго
и в страхе

смотрели вслед,

26

как искры выбивают
копыта
и дымки растут из кочек,
сгущаясь
и затягивая тундру
завесой белой,
белой словно выдох
оленья в стужу...
Небо потемнело.
Сорвался ветер.
И завыл.

Заохал.

Заголосил.

Горго к земле прижался.
Чоко к нему.
Сердца звенов сжались,
нет, съежились,
как торбаза над жаром,
забытые хозяином...
— Горго-о-о?!
Молчит.
— Чоко-о-о-?!
В ответ ни звука,
Немая тундра:
ни зверька,
ни птицы...

И вдруг из мглы белесой.

Г
р
а
д
у
д
а
р
и
л...

И вслед пурга ворвалась
и простерла
над скрюченным Горго
крыло...

Другов —

над стынущим Чоко...

Вой,
охай,
ветер,
взвей белый снег,
а может, шерсть
над ними...
Все...
Дед умолк.

13

Вовсю клубилась тьма.
Но там,
где лунный свет
сквозь кроны лился,
лес серебрился...
С лосем дед простился.
Мне стало зябко.
(Близилась зима?..)
— Идем...
Я шел
и скорбно повторял
легенду или быль,
не знаю толком —
во мне,
как в сердце война
осколком,
жглась мысль:
пусть сын мой слаб еще и мал,
в ответе я за то,
чтоб взрослым он
нес боль,
святую боль
за все живое —
иначе, как отец, чего я стою
в цепи времен...

СОДЕРЖАНИЕ

«Солнце, кое-где оставив тени»... Перевод А. Волобуева.	3
«Светлей других горит твое окно»... Перевод А. Волобуева.	3
«Морзянка первого дождя»... Перевод М. Эдидовича.	3
Я в чоре родился. Перевод Г. Фролова.	4
Журавли. Перевод Г. Фролова.	5
«Слепнет сердце от горьких потерь»... Перевод Н. Никишина.	5
Сэде. Перевод Г. Фролова.	6
Из недр души. Перевод М. Эдидовича.	7
«Уплыли молодости годы»... Перевод А. Коршунова.	7
Ребенок пошел. Перевод А. Коршунова.	8
Еду на охоту. Перевод А. Аквиллова.	8
В лунную ночь. Перевод А. Аквиллова.	9
«Плач над тайгой раскатился»... Перевод Л. Кондрашенко.	10
«На заметенных строках лет»... Перевод М. Эдидовича.	10
«В дни осени поздней»... Перевод М. Эдидовича.	11
Восторг языческой охоты. Перевод М. Эдидовича.	11
Твоим именем. Перевод М. Эдидовича.	12
До сердечной боли краткий. Перевод М. Эдидовича.	12
Сердце. Перевод А. Коршунова.	13
Где выпасается заря. Перевод М. Эдидовича.	13
За страницей страница. Перевод М. Эдидовича.	14
«Люблю бродить на опушке летом»... Перевод А. Волобуева.	14
«Словно лебедей взметнулась стая»... Перевод А. Волобуева.	15
«Я во многих уже городах побывал»... Перевод А. Волобуева.	16
«Вертолет взлетел»... Перевод А. Волобуева.	17
Судный день... Поэма. Перевод М. Эдидовича.	18